

СОДЕРЖАНИЕ

Книга 1. Москва в походе	5
Часть первая	7
Часть вторая	142
Часть третья	276
Книга 2. Море	441
Часть первая	443

Серия «Сталинские лауреаты»

Разработка серии и дизайн В. А. Воронина

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Книга 1

Москва в походе

*Дорогому Василию Гавриловичу Грабину
и всем советским пушечного и оружейного дела
мастерам посвящаю.
Автор*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

В небе повис огненный столб над самым боярским усадьбищем.

Юродивые плясали и плакали.

Калики перехожие предрекали войну.

Монахи — конец света.

Хмурые старцы из деревенских — голод.

Поползли «ахи» и «охи». Но умирать не хотелось. Большое любопытство появилось к жизни.

И как на грех, в вотчину боярина Колычёва прискакал из Разрядного приказа человек, молодой, дородный, с быстрым взглядом, слегка насмешливым. Назвал себя посланцем царя, дворянином Василием Грязным. Явился к владельцу вотчины, боярину Никите Борисычу, и стал расспрашивать о «верстании»: *«сколь и кого поимянно выставит боярин своих людей в войско, коли к тому нужда явится»*.

Всколыхнулись деревни и починки* колычёвской вотчины. Старики расхрабрились, — куда тут! Стали разглагольствовать про старинные битвы. У молодёжи глаза разгорелись: потянуло на волю, на поля бранные.

А тут ещё подлил масла в огонь грязновский ямщик. Намекнул и на татар, и на Ливонию, и на Свейское государство**. Ямщик бывалый, московский. Под хмельком дядя был, на слова чуден, а глазами плутоват; что наврал, что правда — разобрать трудно.

Как бы то ни было: ветром море колышет, молвою — народ; заскакало по избам колючее словечко: война!

Боярин темнее тучи стал. Ходит, ко всем придирается, на глаза лучше не показывайся.

Всего лишь год, как царь отпустил его на отдых после брака с молоденькой княжной Масальской. Чего бы лучше — на старости лет пожить чинно, уютно, на усадьбе, в супружеском уединении... И вот нате! Опять война! Опять в кольчугу, в латы да шлем! Приказ, ведавший военными делами, заработал. В Москве не спят!

* Выселки.

** Швеция.

Крепко призадумался боярин: как быть? Какой-то дворянин-зазнайка всюду нос суёт, царской грамотой щеголяет. Чорт его принёс сюда!

Давно ли разошлись с казанского и Выборгского походов? Люди и кони ещё путём отдохнуть не успели, и вдруг...

— Э-эх, Никита, Никита! Сыновей у тебя нет. Убьют на войне — поместье отпишут «на государя», малую часть оставят супруге твоей, Агриппинушке, а так как она неплодна, вслед за её кончиною и та малая часть уйдёт «на государя» (всё себе заграбастывает!).

Вот что будет, коли пойдёшь на войну; а не пойдёшь, откажешься...

Опять засверлили мозг боярина слова царя Ивана Васильевича: *«Жаловати мы своих холопей вольны, а и казнить их вольны ж есмя»*.

Князей и бояр царь ни во что ставит! Подумать только! А вот такие, неведомого рода молодцы, по уездам с царскими грамотами шнырят, бояр учат!

Целый месяц гостил Грязно́й в вотчине, считал людей, болтал с ними, будто равный; на половину боярыни Агриппины повадился ходить, рассказывал ей про Москву, — нет в вотчине человека, с которым бы он не точил лясы, а потом уехал как-то сразу, тайком, без низких, по чину, поклонов и приветствий.

Вздумал Никита Борисыч наведаться к знахарке-вещунье, попросить её, чтоб наколдовала «нетяжкую болезнь», на войну бы не идти. А старуха проклятая отказалась да ещё крикнула: «Вижу, что умереть тебе на плахе по царёву указу!»

Можно ли снести столь великое поношение? В омуте утопил старую ведьму. Сразу полегчало. Улеглось на сердце.

И вдруг новое беспокойство. Пришёл на боярское крыльцо некий бобыль Андрейка и давай вопить на всю усадьбу: «Пошто утопил старуху? Царь покарает тебя! Один у нас ныне суд — царский. Сгубить нас токмо царь может, а никто!»

Орёт, словно ума лишился, глаза вытаращил.

Любуйся, царь-государь, Иван Васильевич! Боярин не волен над своими же людьми! Кого ты охрабрил? Холопов и злостных бродяг! Посмел ли бы раньше этот навозный жук слово поперёк молвить? Не иначе как проклятый Васька Грязной наболтал народу про «судебник».

Никита Борисыч, как бы невзначай, старался выпросить у людей, о чём беседовал с ними Василий Грязной. Пытал, с божбою и целованием креста, боярыню Агриппину. Оказалось, Грязной спрашивал у старост: сколько земли в вотчине, что пахоты и что леса; вся ли пахотная земля обрабатывается; продаёт ли боярин хлеб на сторону, иль только засева-ет для себя да для своих крестьян? О конях расспрашивал, о сене, об овсе, о скотине...

Агриппина божилась, клялась, что московский молодец говорил с ней только о царе, о царице и о святынях. Колычѐв сопел, глядя исподлобья подозрительно на жену. Она краснела, смущалась.

— Сам, батюшка-боярин, допустил ты того человека в терем, супротив моей воли. Не посмела я, раба твоя, пере-чить тебе...

— И ты, государыня, мысль иметь свою вольна, чтобы гостя уветливым словом на доброе изволение наводить... от лукавства его отторгать, христианской добродетели чувства ему внушать... Внушала ли?

— Внушала, государь, князь мой, внушала...

Агриппина задумалась:

— Жаловался он мне, — обижают его бояре, по ма-лости его рода, и кабы не царь, давно бы ему быть на плахе. Царь защитил его... И многих его товарищей царь-батюшка приголубил... служилых людей, незнатных, бес-поместных.

Сердито насупился боярин Никита.

II

Здесь — медведь; там — человек. Солнечный свет про-никает сквозь щели в овин. Горят маленькие чёрные глазки, в них неподвижное упорство. Человек пытается избежать их. Он смотрит на мотылька: как весело резвится в золоти-стой полосе солнце, играет с мухами, сталкивается с ними, ловко увёртывается и ускользает из глаз. О, эти маленькие глазки зверя!

Пахнет сосновым лесом; за стенами бушуют птичьи стаи. Тепло. Клочок синего неба проглядывает в широкую рассе-лину над головою. Ночью буря сорвала солому.

Зверь лязгает железом, издаёт жалобное урчанье. Звук глухой, придушенный, ползущий из глубины, из нутра. Пасть

сомкнута; шумно дышат розовые влажные ноздри; туловище покачивается из стороны в сторону.

— Лакать, чай, захотел? — тихо спрашивает прикованный к стене человек. Он молод, загорелый, широкоплечий, в белой заплатанной рубаше. Поднялся с соломенной подстилки, сутулясь, отступает к стене.

— О крови тоскуешь? Скушно? Как мне тебя понять? Поймёшь ли и ты меня?

Неподвижно смотрят они друг другу в глаза.

— Э-эх, поведал бы я тебе, как бобыль за жар-птицей охотился да и в капкан попал... Что наша доля с тобой? Хоть топись, хоть давься! И та не наша. Плохо, Терёха! Судьба дурёха...

Медведь, прислушиваясь к голосу человека, издаёт звук, похожий на стон.

— Не скули! Не подобает! — оживился парень, глядя в глаза зверю. — Бог терпел и нам велел... Какой ты веры, не ведаю, но и ты — божья тварь. Да и такой же, как и я, бобыль — непашенный, безземельный...

Медведь положил морду на землю, выпустил когти... сверкнули влажные белки.

— Так-то, милый! — вздохнул молодец, напрягая могучие мускулы. — Пошто нас мать родила, не выдавши дня прекрасного? На посмех людям пустила по миру.

Медведь медленно поднялся, стал на задние лапы, замер.

— Ага, слушаешь! Так вот... Живём мы с тобой, яко святые... Во узах, во тисках, в подвижничестве... Владыка наш, боярин Колычёв, сатане в дядьки записался.

Медведь заревел, грузно подался вперёд. Тяжёлым, едким духом пахнуло от него.

— Ты, идол! — попятился парень. — Сожрать меня восхотел? Э-эх, кабы на воле, сошлись бы мы... Загрызёшь — тому так и быть; побит будешь — шкуру с тебя сдеру.

Часто моргая глазками и раздувая ноздри, медведь рвался вперёд. Цепь натянулась, вот-вот лопнет. Зверь принялся быстро ходить справа налево и обратно, косясь одним глазом на парня.

Скрипнул тяжёлый засов, раздался голоса, двери распахнулись. Окружённый челядью, в сарай вошёл сам владелец богоявленской вотчины — невысокого роста, тучный, бородатый, с курчавой седеющей головой. Одет в зелёную

рубаху, опоясанную ремнем. С виду скорее прасол, нежели человек знатного рода, богатый вотчинник. По всей округе прославился он своею скупостью. Позади холоп с ведром и плетями подкрался к кадушке, врытой в землю, и быстро вылил в неё мурцовку — смесь воды, хлеба, лука и отрубей. Медведь принялся жадно лакать.

Колычёв с любопытством следил за ним.

— Заколите барана утресь. Пускай попирует, — Колычёв осмотрел всех с самодовольной улыбкой.

Обернувшись к парню, плюнул на него. Вытаращил глаза, сказал тихо, с злой усмешкой:

— Добро быть законником! Не так ли?

— Тяжко, государь-батюшка, на цепи сидеть! Пусти на меня медведя! Дозволь учинить с ним бой, потешить тебя, добрый боярин, с супругою твоею пресветлою... Лучше сгину в том бою, нежели томиться в неволе!

Колычёв круто повернулся и, сердито стуча посохом, пошёл из сарая. Снова заскрипел засов.

Андрейка видел в щель, как медленно, в хмуром раздумье, уходил на усадьбу впереди своей челяди боярин Колычёв.

Широкая сосновая просека ведёт к боярским хоромам в два житья*. Они красочны, затейливы, с башнями и многими лесенками. Узкие слюдяные окна открыты, видны ковры внутри, на стенах. Извне, по бокам окон, раскрашенные светлой зеленью резные столбики, а над окнами — «петушиная резьба». Крыши, высокие, покатые, обложены дёрном для предохранения от пожара. Невысокая ограда с громадными воротами вокруг хором. У ворот — сторож с дубинкой.

Никита Борисыч родовит и знатен. Прославившийся на Студёном море своей праведной жизнью инок Филипп — колычёвского же рода.

Отогнав посохом зубастых псов, помолившись на икону, врубленную в ворота, Колычёв проследовал к дому. На пороге опять помолился. А в постельной горнице и того больше. Сел на скамью и молвил:

— Агриппина, псы и те учуяли, чем подуло из Москвы...

Жена кротко взглянула на него, но сказать ничего не осмелилась. Когда боярин не в духе, всякое слово не по нём. Что не скажешь — всё не так. Она знает, что ему хочется,

* Два этажа.

чтобы она отозвалась на его речь. Но нет! Поддаваться не след.

В страхе съёжилась Агриппина. Маленькая, худенькая, в зелёном шёлковом с серебряной каймой летнике, в крохотном бисерном кокошнике, она выглядела совсем девочкой. Густо нарумяненные, по обычаю, щёки казались полнее, чем были на самом деле. Она опустила ресницы, боясь взглянуть в лицо мужа.

— Чего же ты? Каши, что ли, в рот набила? Чего молчишь? Ай не слышишь? Кто виноват?

Агриппина вздохнула:

— Милостивый батюшка! Уволь! Мне ль мудрить?

— Уж не забыла ли ты московского щеголя?

Колычёв некоторое время смотрел на неё подозрительно. Потом самодовольно улыбнулся. Никакого лукавства в её лице он не подметил.

— Такой случай поймёт и баба, — ухмыльнулся Колычёв, отвалившись к стене и широко расставив ноги. — Царём-государем, — Бог с ним, — великая обида учинилась на Руси. В каждой царской грамоте видим мы своё боярское посрамление. Всех валит в одно: и бояр, и дворян, и детей боярских, и попов, и посадских людей, и пашенных мужиков — «чёрный люд»... «Ко всем без отмены, чей кто ни буди...» Как то понять? Требует царь, дабы все мы в дружбе жили, «меж собой совестясь, все за один»... Как же это так? Стало быть, боярин и пашенный мужик вместе выбирать себе судей станут? Гоже ли то? А? Скажи на милость! Не обидно ли?

Для Агриппины не было ничего мучительнее, чем эти вопросы. Как ответить, когда и в самом деле она ничего не понимает в царских грамотах? Да и бояре-то плохо разбираются, что к чему. Запутались!

— Стало быть, Иван Васильевич по-Божьему чинит сие управство? Стало быть, холоп, мужик и вотчинный владыка, князь либо боярин — одно и то ж? Так, што ли? Ну, отвечай! Чего же ты? О чём думаешь?

— Батюшка ты мой, государь родимый! Бабий ум короток, где ж нам? — плачущим голосом взмолилась Агриппина.

— Еретики! Лихо вам! Лихо вам! Не быть по-вашему! — крикнул Колычёв, погрозив кулаком в окно.

Лицо его покраснелось, голову он втянул в плечи, как рассерженный филин.

— Наша власть на молитве да на воинском дородстве из века в век возмужала. Попробуй, побори её... Я здесь хозяин, — прошипел Никита Борисыч. — В последние люди мы попали!.. А? Писака некий царю челобитную подал... *«Вельможи-де не от коих своих трудов довольствуются. Вначале же потребны суть ратаеви*.* От их бо трудов едим хлеб». Слышь, что ль? Пересветов Ивашка сунул царю противу бояр челобитную! Все учат царя, а он слушает. Не к добру то. Бобыля всё одно живым я из овина не выпущу... Вон князь Данила расковал такого-то... а он в Москву, со словом на своего же господина. Худо пришлось Даниле... Объярмили боярина. Тяглом объярмили в царёву казну. Чего молчишь? Аль онемела?

Агриппина была женщиной чувствительной, любила поплакать. Это выручало.

По щекам её поползли слёзы. Она уже пролила тайком от мужа не одну слезу, только не о парне, посаженном в сарае на цепь, а о том красивом молодце, который только что уехал из вотчины опять в Москву. Он такой смелый, такой сильный и ласковый. Как же тут не поплакать?

— Чего ревёшь? Почто жена, коли с мужем не советует? Ни яства, ни пития, ни греха ради пришёл к тебе. Доброй беседы ради.

В ответ на такое решительное требование Агриппина тихо проговорила:

— Не ведаю, батюшка, ничего, и не слыхивала, и не знаю, токмо от тебя одного и жду поучения, государь Никита Борисыч...

Колычёв, подумав, опять остался доволен смиренным ответом жены, поднялся со скамьи, помолился на икону, поклонился, сказав: «Надо бы кончить и с этим лаптем. Пойду!»

Она ответила на поклон, а после ухода мужа села на скамью и горько расплакалась. Пропала её молодость! Так бы и помчалась туда, в Москву, вместе с ним, с московским гостем. Приняла бы грех на себя, а там будь что будет! Ради такого красавца можно и пострадать.

Агриппина выглянула в окно. Сосенка топорщится яркой пушистой зеленью около самого наличника, а на ветвях, словно румяные яблочки, развесились ярко-красные птички:

* Крестьяне.

одна вниз головою, другая вверх, а некоторые совсем кверху красным брюшком, уцепившись за сосновую шишку... Это любимая птичка Агриппины — клёст. Вдали чернеет хвоя могучих древних кедров. Кукушка закуковала. Густой, пьянящий запах смолы пробудил в душе неясные, но приятные чувства. Агриппина вспыхнула, осмотрелась. Никого нет.

— Господи, прости меня! — прошептала со слезами.

Одна жизнь у неё — для мужа и людей; другая, глубоко запрятанная ото всех и почему-то всегда казавшаяся греховною, — для себя. Но всё же верилось в то, что стоит попросить у Бога прощенья, как грех снимется и ничего не будет, а на этом свете никто и не узнает, ибо есть ли тайны крепче тех, что живут в боярских теремах и остаются известными только одному Богу!

Вот почему, увидев своего мужа, удалившегося с толпою слуг, она стала усердно молиться о себе.

* * *

Никита Борисыч решил покончить с Андрейкой. Подобные вот молодцы и бывают причиною боярских горестей. Да говорят, что он больше всех шептался с тем московским человеком. Иные из таких, убежав, становятся разбойниками. Тогда берегись! Жди кистеня! Иные утекают в Москву, шляются там, болтают разные небылицы про своих хозяев, а худая молва никогда до добра не доведёт, особливо в нынешнее государственование. Есть и такие, что до самого Красного крыльца добираются, бьют царю челом, жалобу приносят. То — самое опасное. От разбойников, от худой молвы оборонишься, от царского гнева — никогда!

С такими мыслями Колычёв подошёл к овину. Осмотрел свою челядь. Сказал, чтобы с ним остались только двое: Сенька-палач и старый приказчик Онисим.

— Ну, убирайтесь! — замахнулся плёткой он на толпу дворовых.

Стремглав бросились они бежать на усадьбу.

Выждав минуту, Колычёв приказал поднять засов. Сенька, здоровенный бородатый детина с опухшими раскосыми глазами, схватил засов, поднял его...

Прямо перед ним, у раскрытой двери, стоял медведь... Цепь была сорвана, тянулась за ним, как хвост.

Первым пустился бежать сам Колычёв, за ним Онисим, а позади всех Сенька-палач. Медведь стоял неподвижно,

наблюдая за бегущими, а потом привскочил и помчался за людьми по просеке.

Оглянувшись, Колычёв завопил на всю усадьбу.

Агриппина увидала в окно мужа, карабкающегося на ворота. Через некоторое время из кустарника выскочил медведь. Агриппина, вскрикнув, замкнула сени и окна. Спряталась в тёмный чулан, нашёптывая молитвы, дрожа от страха.

Медведь прошёл под воротами, обнюхивая воздух. Увидев кур, метнулся за ними. Куры с кудахтаньем бросились врассыпную. Некоторые перелетели через частокол. Зверь неторопливо тоже перелез через частокол.

В это время во двор вбежали несколько человек с рога-тинами. Двое с луками. Они пустились через двор в обход. Сидя на воротах, Колычёв грозно покрикивал на них.

Медведь, встревоженный шумом, скрылся в лесу. За ним побежали дворовые.

Убедившись, что опасность миновала, Колычёв с достоинством слез на землю. Обтёр лоб, помолился и, тяжело дыша, побрёл домой.

Сердито стал он барабанить кулаком в запертую дверь. Послышался голос: «Кто там?»

— Да отвори, что ли!

— Бог с тобой, батюшка! На тебе лица нет! — всплеснула руками Агриппина.

— Будто не видела!.. — хмуро взглянул он на неё.

— Ничего не видела... Ничего.

— Ты этак и своего боярина проспшишь...

Никита Борисыч тяжело опустился на скамью, обтёр рукавом пот на лбу.

— Уж лучше на войне помереть, нежели от лесной гадины... — промолвил он, отдуваясь, смахивая рукой репё с шаровар.

Агриппина села за пяльцы, не осмеливаясь взглянуть на мужа.

Боярин хлопнул в ладоши. Появилась сенная девка.

— Покличь Митрия... — глухо произнёс он.

Она поклонилась, выбежала. Дмитрий — самый близкий к Никите Борисычу дворовый человек. Ему он поручал только особо важные дела.

Боярыня недолюбливала Дмитрия; он вздумал и за ней, за Агриппиной, следить. Часто Никита Борисыч запирался с Дмитрием в своей горнице. Они перешёптывались целыми

часами, и, как ни старалась она подслушивать их разговоры, ей не удавалось ничего разобрать. Но ей всегда казалось, что разговоры их обязательно про неё. А теперь и вовсе... грех тяжкий за спиной...

Маленького роста, коренастый, рыжий, с острою длинною бородою, очень услужливый, Дмитрий обладал необычайной силой; в кулачных боях был для всех грозою. При Никите Борисыче он служил чем-то вроде телохранителя и пользовался большою любовью его.

Дмитрий подбежал к дому.

Агриппина вышла кормить голубей на башню. Это было её любимым занятием. Она вскоре увидела, как Дмитрий с плетью в руке быстро вышел из сторожки и побежал по просеке к медвежьему сараю.

* * *

Пахло скошенной травой, нагретою солнцем. Синие сумерки окутали Богоявленское. Дворовые люди боярина Колычёва, утомлённые бестолковой беготней по лесу и криками хозяина, лежали на куче сена в сарае, робко перешёптываясь:

— Ай да Герасим! Вот те и бобылёк! Что сотворил!

— Как святым духом взяты! Либо вихорем.

— На брань захотели. Супостатов крушить. Мысля такая была.

— Кому воли не хочется? Вон «хозяин»* и тот убёг! Не стал нас ждать. А бобыли и вовсе... Чего им! На камушке родились, в круглой нищете.

Послышались громкие, тяжёлые вздохи во всех углах.

— И надо же так! Крышу разобрал... Вытащил Андрейку... «хозяину» цепь обрубил. Обо всех позаботился. Улетели, что голуби... Вот и поймай их теперь!

— Игла в стог упала — знай, пропала!.. Ха-ха-ха!

— О-о-ох, люди! Спите! — кто-то сказал громко с тоской. — Мы — тля! Дворы есть, пашня есть, а нечего есть. Сердечушко, братцы, горит... Так и жмёт, душит. Спите! Ладно!

— Дело ясное. У курицы — и у той сердце.

* Здесь: медведь. На Руси долгое время табуировалось само произнесение имени медведя; «хозяин» — один из вариантов произношения.

— Кто разгадает, где теперь они? Посылал Никита Борисыч верховых по всем дорогам, да нешто поймашь?.. Сам пёс, Митрей, гонялся, да ни с чем и возвратился... Теперь беда всем нам от боярина.

— Ничаво! У горя — догадка, беда ум родит.

— Тише! — слышался тревожный шёпот. — Не услышал бы кто, не ровён час. Спите!

— Звёзды одни... наши сёстры... не скажут!.. Святой Егорий, оборони нас, грешных... И-их, их!

Шёпот стих. В лесу кричала неясность*, будто кошка; хрустели сучья около сарая: может, заяц, может, ёж! Их много в окрестностях... Жужжали, влетая стрелою на чердак, ночные жуки, косматые бабочки-бражники.

Вотчина боярина Колычёва и лесные дебри погрузились в сон.

III

Московскому собору тысяча пятьсот пятидесятого года Иван Васильевич говорил: «Старые обычаи на Руси поисшатались». Царю было всего двадцать лет, а упрямства на старика хватило бы.

После того и началось. Диковина за диковиной! Не миновало и богоявленской вотчины.

Один государев судебник что шума наделал!

Конечно, и в прежние времена в волостях полагалось выбирать мужицких старост, а на судах присутствовать «судным мужам» из крестьян, но сильные родовитые вотчинники умели обходиться и без того. Теперь попробуй обойдись!

На московском соборе царь и об этом помянул: «Земским людям лутчим и середним на суде быть у себя не велят, да в том земским людям чинят продажи великия».

Как сейчас, перед глазами Колычёва гневное лицо молодого царя, грозившего послушникам жестоким наказанием.

Прошло пять лет. Царь твёрд. Он и не думает отступить. Напротив! Тот же Васька Грязной привёз в богоявленскую вотчину новую грамоту, а в ней сказано: «На волостном суде быть крестьянам пяти или шести добрым и середним». А он, Колычёв, колдунью-старуху сгубил безо всякого суда,

* Сова.